

наше обращение с преступниками. Никаких успехов мы по этой части не видим — теорий много, а успехов нет, — нам не удастся уменьшить число преступлений, прибегая к тем методам, которые мы используем при обращении с преступниками.

И тем не менее нам твердят, что эти методы научны. Мы изучаем их. И я думаю, что обычных здравомыслящих людей такая псевдонаука просто запугивает. Школьная система принуждает учительницу, у которой имеется хорошая идея насчет того, как научить детей читать, делать это иначе, а то и задуривает ей голову настолько, что бедняге начинает казаться, будто ее метод совсем не хорош. А мать каких-нибудь хулиганистых мальчишек, наказав их тем или иным способом, потом всю жизнь терзается чувством вины, потому что «специалисты» внушили ей, что она поступила «неправильно».

То есть нам действительно необходимо внимательно приглядываться к теориям, которые не работают, и к науке, которая таковой не является.

На мой взгляд, упомянутые мной исследования в области образования и психологии являются примерами того, что я называю наукой формопоклонников. В южных морях существует племя, которое поклоняется самолетам. Во время войны на его острова садились самолеты со всякими полезными грузами, вот этим людям и хочется, чтобы самолеты прилетели снова. Они соорудили посадочные полосы, жгут вдоль них костры, у них имеется деревянная хижина, в которой сидит человек с двумя пристроенными к голове очень похожими на наушники деревяшками и торчащими на манер антенн прутиками бамбука — это диспетчер, — и все ждут, когда прилетят самолеты. Все же сделано чин по чину. Форма соблюдена в совершенстве. А самолеты не прилетают. Вот я и называю эти исследования наукой формопоклонников, поскольку все нормы и формальности научного исследова-

ния в них соблюдены, однако чего-то существенного явно не хватает — не прилетают к ним самолеты, и все тут.

Теперь мне, понятное дело, надлежит сказать вам, чего же именно им не хватает. Однако это трудно, — примерно так же, как трудно объяснить островитянам южных морей, что они должны сделать, чтобы усовершенствовать свою систему. Тут ведь одним лишь улучшением формы наушников не обойдешься. Впрочем, существует одна характеристика, которая, как я заметил, в науке формопоклонников отсутствует всегда. Речь идет об идее, которую вы, как все мы надеемся, усвоили, изучая здесь науку, — мы никогда не формулируем ее явным образом, рассчитывая на то, что вы и сами обнаружите ее в любых научных исследованиях. Интересно поэтому поговорить о ней открыто и прямо. Речь идет о своего рода научной честности, о принципе научного мышления, соответствующем такому человеческому качеству, как безоговорочная искренность и открытость, — о чем-то вроде обучения на ошибках. Например, если вы ставите эксперимент, вам следует сообщать обо всем, что вы считаете его недостатками, — а не только о его достоинствах; о других возможностях объяснения полученных вами результатов; о вещах, вызывавших у вас сомнения, которые вам удалось устранить посредством каких-то других экспериментов, и о самих этих экспериментах, — вы должны убедить ваших коллег, что сомнения эти действительно устранены.

Необходимо приводить любые подробности, — если они вам известны, — способные породить недоверие к вашему истолкованию результатов. Если вы считаете хоть что-то неверным или вероятно неверным, вам следует приложить все усилия, чтобы рассказать об этом. Если, например, вы создаете теорию и сообщаете о ней или излагаете ее, необходимо перечислить все факты, которые с ней не согласуются, а не только те, что согла-